

ПОЯВЛЕНИЕ «Войны и мира» — это поворотный пункт в истории реализма. Это, кроме того, и поворотный пункт в истории международных связей русской литературы.

В течение первых трех четвертей XIX столетия за рубежом постепенно узнавали русских классиков — Пушкина, Гоголя, Тургенева. Но долгое время они оставались известны лишь сравнительно узкому кругу литературных эрудитов. Издание «Войны и мира» в 1879 году на французском языке положило начало событию, которое зарубежные литературоведы иногда называют «русским вторжением»: поток русских романов хлынул на Запад. Писатели, критики и — шире — просвещенные люди разных стран пытались, читая «Войну и мир», а вслед за тем и «Анну Каренину», «Преступление и наказание», «Обломов», осмыслить русскую литературу как сложное национальное целое («чуждо духовной культуры», скажет о ней впоследствии Томас Манн). Влияние русского реализма стало постоянно действующим фактором мирового литературного процесса.

«Война и мир», поначалу смущавшая иностранную публику своим размахом, непривычным строением (известно, что даже Флобер, один из первых восхищенных читателей «Войны и мира» за рубежом, упрекал автора за обилие философских отступлений), в конечном счете покорила эту публику, привлекла к русской литературе симпатии читателей в самых отдаленных уголках земного шара. В интереснейшей работе Э. Бабаева «Иностранная почта Толстого», опубликованной в 75-м томе «Литературного наследия», даны разнообразные свидетельства этому.

Хочется привести один пример из многих зарубежных читательских откликов — письмо бывшего майора Джона У. де Фореста из Коннектикута, США, обратившегося к Толстому в 1887 году (то есть очень скоро после выхода первого английского издания «Войны и мира»). «Почему все русские романисты пишут так искренне и правдиво? — задает вопрос американский корреспондент Толстого. — В литературе до сих пор не было ничего похожего, если не считать произведений малоизвестного Стендаля. Случаев ли реализм в России? Или он протескается из каких-то особенностей национального характера? Я долго ломал себе голову над этим вопросом, но так и не смог найти ответа».

И в самом деле — откуда сила русского реализма? Над этим вопросом не раз ломали себе голову читатели «Войны и мира» в разных странах. Этот же вопрос, в сущности, ставит Ленин в статье о Толстом и дает на него ясный ответ. Джон Рид, наверное, не знал — не мог знать — этих ленинских статей. Но, находясь в гуще бурной русской действительности, он приходил к смутному и все же твердому выводу, что между освободительным движением России и ее литературой, наверное, есть какая-то незримая связь. В раннем варианте предисловия к книге «Десять дней, которые потрясли мир», найденном А. Старцевым в Гарварде, в архиве Джона Рида, есть такие примечательные строки: «Как русская жизнь, описанная у Толстого и Чехова, как весь ход русской истории, революция наделяет неспешной непреоборимой силой подобной полному деревенскому соку весной или морскому приливу... Русская революция подобна самой природе».

Попытки как-то сопоставить, соотнести творения русского реализма с русской революцией делались и в более позднее время

наиболее проникательными умами за рубежом. Характерно замечание Генриха Манна о том, что русская революция — осуществление того, что в течение столетия накопилось — или созревало — в литературе.

ВСЕ это имеет ближайшее отношение к «Войне и миру».

За последние десять — двенадцать лет советские литературоведы сделали многое в области изучения «Войны и мира». В работах А. Чичерина, А. Сабурова, Э. Зайденшур, Я. Билиниса, С. Бочарова, Г. Краснова с новых сторон освещается и творческая история романа-эпопеи, и своеобразие замысла, и жанровая природа, и тайны стиля, и связи с русской художественной традицией. Исследователи идут — каждый своим путем — к целостному анализу, объясняющему и структуру «Войны и мира», и ту концепцию действительности, которая в ней заключена.

На Западе о «Войне и мире» тоже пишут немало. В некоторых новых книгах (например, в книге англичанина Джона Бейли «Толстой и роман») есть любопытные наблюдения. Но, к сожалению, авторы большинства работ, вышедших за последние годы во Франции, Англии, ФРГ, США, упрямо придерживаются застарелых шаблонов буржуазного литературоведения, учитывая опыт советской науки лишь в минимальной степени и с большим запозданием. Общая тенденция подобных работ — невнимание к социально-исторической проблематике «Войны и мира», попытки свети ее богатое содержание к

словам Ленина) не растворяется в эпической первозданности, а раскрывается в его конкретно-исторической полноте и силе.

У Ленина есть замечания, которые, относясь непосредственно к мировоззрению Толстого, бросают неожиданный свет и на его художественный метод. Психология «патриархального, наивного крестьянина» отозвалась не только в учении Толстого, но и в его поэтическом видении мира. В ленинской характеристике Толстого рядом с такими определениями, как сила чувства, свежесть, искренность, стоит емкая формула — бесстрашие в стремлении «дойти до корня». Поэт бессмертной природы, вечно возобновляющегося бытия был неотделим в Толстом от мыслителя-аналитика, который видел анатомию общества яснее, беспристрастнее, чем многие великие писатели до него. Гомеровский размах совмещался у автора «Войны и мира» с бескомпромиссной силой социально-критического познания.

Беспокойный и нарастающий критицизм присутствует в толстовском романе-эпопее от начала и до конца — от сатирически окрашенных эпизодов в салоне Анны Шерер и горькой реплики князя Андрея «...Эта жизнь — не по мне!» до мятежного сновидения Николеньки Болконского в эпилоге.

ЕВРОПЕЙСКИЙ роман прошедшего века отбразжал, по словам Гегеля, «прозаически упорядоченную действительность». То есть действительность более или менее прочную, устоявшуюся. Мо-

гласно, нет-нет да и обнаруживается невидимая война классов, она напоминает о себе то бунтом богучаровских крестьян, то беспорядками на улицах Москвы перед приходом французов. Естественно, что интерес повествования не угасает, не «развязывается» вместе с разгромом Наполеона: захватчик повержен, но острые внутренние проблемы русской жизни не разрешены. Политический спор Пьера с Николаем Ро-

сту, к тому, чтобы соизмерять свои действия с запросами народа, велениями времени, проявляют лучшие герои романа XX века — от Жан-Кристофа до Роберта Джордана.

ДЛЯ литературы нашего столетия особенно важен вместе с тем опыт Толстого, как **военного писателя**. Часто спорят об отношении Толстого к войне. Можно привести много высказываний Толстого, где отрицается всякая война как несомненное зло. «...началась война, т. е. совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие», — эти слова стоят в начале третьего тома «Войны и мира». И все же образная система романа-эпопеи богаче авторских деклараций. Подъем народной энергии в справедливой войне становится у Толстого источником высокой поэзии. Но диалектика души народной передана на страницах «Войны и мира» с необычайной гибкостью оттенков, включая и смену чувств по отношению к французским солдатам, — от благородной ярости в самые тяжкие дни нашествия до снисходительной жалости после того, как враг повержен.

В реалистически неприкрашенном, одухотворенном, многогранном изображении войны, в осмыслении войны с позиций мира, как и во многом другом, Толстой стоит у истоков художественных открытий, сделанных писателями XX века. В годы первой мировой войны прозаики и поэты разных стран, поднимавшие свой голос против империалистической бойни, — и Барбюс, и Бехер — ссылались и опирались на Толстого. А в годы второй мировой войны роман «Война и мир» был моральной поддержкой для народов, сопротивлявшихся фашизму (включая, как свидетельствует Анна Зегерс, и немецких антифашистов). В Праге, оккупированной гитлеровцами, рассказывает Мария Пуйманова, «читали, как библию, «Войну и мир»...» «Во время последней войны с фашистской Германией, — вспоминает норвежский писатель Артур Омре, — Лев Толстой был поддержкой норвежскому народу. Тайком и с радостью мы читали его в годы оккупации. Гитлер запрещал нам читать Толстого». «Я хотел бы, — пишет Морис Дрюон, — чтобы все юности во всем мире, уходящие на войну... уносили с собой «Войну и мир». Эта книга прежде всего помогает нам узнать тех, с кем мы вместе сражаемся, а затем тех, против кого мы сражаемся. После этого наступает зрелость».

Мировая слава «Войны и мира» в наши дни раскрывается все в новых аспектах. Кубинский писатель Алехо Карпентьер в статье, написанной еще несколько лет назад для «Иностранной литературы», привел неожиданные свидетельства, какое значение приобретает в наши дни «Война и мир» для народов «третьего мира», поднимающихся к национальной независимости и социальному раскрепощению. Он писал о том, как разворачивается ныне во все новых вариациях процесс, некогда описанный Толстым, — пробуждение народных сил, «незаметных» долгое время находившихся под спудом, и как важен, скажем, для писателей Латинской Америки пример русского классика: «В «Войне и мире» Толстой дал образец эпического романа, который на нашем континенте еще ждет своего творца».

И кто знает, сколько новых фактов плодотворного, национально-самобытного продолжения толстовской традиции в разных странах и континентах будет у нас перед глазами еще через десять или двадцать лет.

Т. МОТЫЛЕВА

НЕСПЕШНАЯ НЕПРЕОБОРИМАЯ СИЛА

К 100-летию СО ДНЯ ВЫХОДА В СВЕТ «ВОЙНЫ И МИРА»

абстрактным «вечным истинам».

Уже немало писалось о гомеровском начале романа-эпопеи Толстого, о родстве его с «Илиадой». Сравнение «Войны и мира» с «Илиадой» — не выдумка литературоведов, оно принадлежит самому Толстому и записано Горьким с его слов. «Современной «Илиады» назвал «Войну и мир» Ромен Роллан и конкретизировал: здесь «чувствуешь размеренную и грозную поступь истории, и перед тобой предстает целое, где все неразрывно связано между собой... И в самом деле, величие «Войны и мира» заключается прежде всего в воскрешении исторической эпохи, когда пришли в движение целые народы... Тут и вправду подмечено очень важное. Народные массы как двигатель романтического действия — это был не просто возврат к стародавним эпическим образам, но и необычайной смелости новаторство. Сопоставление «Войны и мира» с гомеровским эпосом оказывается плодотворным для исследователей лишь в том случае, если реализм Толстого (самый грезивый реализм, по

лодой человек XIX столетия, входящий в жизнь, искал и находил в ней свое место. В русском романе — и прежде всего в «Войне и мире» — социальная действительность собственнического строя пришла в движение, обнаружила непрочность своих основ. Исследователи более или менее единодушно отмечают динамичность картины мира в «Войне и мире». Действие развивается неторопливо, но жизнь движется, назревают перемены, частные судьбы втянуты в орбиту больших исторических сдвигов, — и перед основными героями эпопеи встают вопросы, выходящие далеко за рамки их частных судеб. В диалектике каждой отдельной человеческой души, в тех изменениях, которые вызывает общенациональный кризис в душевном строе Пьера, князя Андрея, Наташи, Николая, княжны Марьи, отражается, как в капле воды, неуловимая диалектика истории.

В новых работах советских литературоведов отмечены разные грани понятия «мир» в «Войне и мире». Многозначность самого слова «мир» — свойство русского языка: однако раздумья Толстого над нравственным содержанием понятия «мир» шли в русле традиций мировой прогрессивной мысли (Ромен Роллан любил цитировать изречение Спинозы: «...Мир не есть отсутствие войны, но доблесть, возникающая из смелости духа»). Мир в «Войне и мире» — это, в конечном счете, норма человеческого бытия, дружество, общность, великое всечеловеческое целое. Да и понятие «война» у Толстого, как заметил С. Бочаров, не так уж однозначное: ведь и в невоенное время идет невидимая, тайная война между людьми, столкновение личных интересов, игра интриг... Но и более того. Взору гениального художника открыты не только личные, но и общественные антагонизмы. Война с Наполеоном, сплачивая силы нации, в то же время и обостряет, вызывает на поверхность противоречия глубинного социального порядка. Гул волнующегося народного моря не может быть заглушен благостной каратаевской проповедью. Даже в дни величайшего напряжения общенародных сил, действующих, казалось бы, со-

стовым в эпилоге предвещает крах семейно-поместной идиллии. Общество, победоносно вышедшее из войны, движется навстречу новым потрясениям. Освободительное движение в России назревает с неспешной непреоборимой силой.

В СТРУКТУРЕ «Войны и мира», в сложнейшем взаимодействии национально-государственных, социальных, нравственных, личных конфликтов сказалась стереоскопичность видения жизни, присущая гению Толстого. Это был громадный шаг реалистического искусства вперед, в сторону более разностороннего, трезвого понимания законов, управляющих жизнью народов и отдельных людей. И понятно, что опыт автора «Войны и мира» разнообразно преломился в больших реалистических книгах нашего столетия.

В XX веке стали уже анахронизмом романы, где общество выглядит стабильным, а герои, занятые по преимуществу устройством своей личной судьбы. Перед глазами писателей нашего века — бурная, неустоявшаяся, движущаяся действительность. Мастера реалистического романа стремятся строить повествование так, чтобы в него вошел динамизм социального бытия и чтобы в нем отразилось многообразие связей между судьбою личности и событиями эпохального масштаба. Ромен Роллан, братья Маняны, Джон Голсуорси, Роже Мартен дю Гар, Эрнест Хемингуэй, Арнольд Цвейг, Мария Пуйманова, Ярослав Ивашкевич, Анна Зегерс решали эти задачи каждый по-своему, с учетом своих национальных традиций. Но Толстой помог каждому из них.

Современный реалистический роман — даже когда он тяготеет к широкому, синтетическому охвату эпохи — не растворяет отдельного человека в массе, а скорее соотносит его с движением масс; благодаря этому образ человека приобретает новые художественные измерения. Е. Куварзин в своей книге «Эстетика Л. Н. Толстого» заметила, что у Толстого одним из коренных определителей личности является способность к внутреннему развитию. Склонность к духовному развитию, ро-

Иллюстрация В. А. Серова к роману «Война и мир».